

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ

РУССКАЯ
РЕЛИГИОЗНАЯ ПСИХОЛОГІЯ
И
КОММУНИСТИЧЕСКІЙ АТЕИЗМЪ

YMCA PRESS

PARIS 1931

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Y M C A - P R E S S

10, Boulevard Montparnasse - PARIS (XVe)

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ :

	Долл.
ФЕДОТОВЪ — Святыя Древней Руси	1.35
ЛОССКІЙ — Типы Міровоззрѣній	1.10
БЕРДЯЕВЪ — О Назначеніи Человѣка	2.10
» — О Самоубійствѣ	0.25
ФЛОРОВСКІЙ — Восточные Отцы IV вѣка.	1.75
ЖУРНАЛЬ ПУТЬ № 29-й	0.60

**Продаются во всѣхъ русскихъ книжныхъ
магазинахъ.**

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ

**РУССКАЯ
РЕЛИГИОЗНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И
КОММУНИСТИЧЕСКІЙ АТЕИЗМЪ**

YMCA PRESS

PARIS 1931

Printed in France

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКИЙ АТЕИЗМЪ

I.

Русская революція вызвала интересъ всего міра къ Россіи и русскому народу. Экспериментъ коммунизма, сопровождающійся небывалымъ въ исторіи насажденіемъ безбожія, вызываетъ безпокойство у людей Запада. Экспериментъ этотъ происходитъ въ огромной странѣ, мало знакомой и мало понятной Западу. И большой интересъ должна представлять психологическая проблема, какъ могла св. Русь превратиться въ вооруженный лагерь воинствующаго атеизма, какъ народъ религіозный по своей душевной структурѣ, жившій исключительно вѣрой, могъ создать столь благопріятную почву для антирелигіозной пропаганды. Нельзя понять русскую антирелигіозную психологию, не понявъ русскую религіозную психологию.

Къ XIX вѣку сложился своеобразный русскій духовный типъ, отличный отъ духовнаго типа русскаго средневѣковья, Руси Московской, и изъ это-

го типа нужно понять воинствующій атеизмъ русской революціи. XIX вѣкъ въ Россіи былъ вѣкомъ мысли и слова, и русская душевная структура была въ немъ впервые осознана и выражена. Русское творчество, русская мысль оставили памятники, по которымъ можно изучать религіозные и антирелигіозные мотивы русской души. Корни интересующей насъ душевной структуры заложены въ прошломъ нашей мучительной исторіи и прежде всего въ русскомъ религіозномъ расколѣ XVII вѣка. Послѣдствія его дѣйствуютъ и до нашихъ дней. Расколъ есть характерное и опредѣляющее явленіе русской исторіи, и мы до сихъ поръ не вышли изъ его орбиты. По своей психологіи русскіе склонны быть раскольниками. Нашъ историческій религіозный расколъ объясняется не только обрядовѣріемъ и невѣжествомъ значительной части русскаго народа и допетровскаго духовенства. Борьба происходила въ немъ не только за сохраненіе буквы. Въ борьбѣ этой дѣйствовали болѣе глубокіе исторіософическіе мотивы. Русскому народу издавна было свойственно мессіанское сознаніе. Оно нашло себѣ выраженіе въ XV вѣкѣ въ ученіи инока Филофея о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ. Византійское православное царство пало, и единственнымъ православнымъ царствомъ въ мірѣ, согласно этому ученію, осталось русское царство. Русскій народъ есть единственный въ мірѣ носитель истинной православной вѣры. Весь остальной

христiанскій мiръ измѣнилъ чистотѣ вѣры. Идея православнаго царства была основной русской идеей, идеей мессіанской. Греческое вліяніе, исправленіе богослужебныхъ книгъ, незначительное измѣненіе обряда воспринимались, какъ измѣна православному царству, измѣна, совершаемая государственной властью и церковной іерархіей. Моментъ релігiозный и національный были такъ же тѣсно сплетены, какъ въ сознаніи древне-еврейскаго народа. Патріархъ Никонъ, поддавшійся греческимъ вліяніямъ, представлялся измѣнникомъ. Антихристъ проникъ въ православное царство, въ государство и церковь. Іерархія повреждена. Истинная церковь уходитъ въ пустыню, скрывается подъ землей. Православное царство, какъ Градъ Китежъ, дѣлается невидимымъ. Раскольники бѣгутъ въ лѣса и скрываются отъ преслѣдованій. Болѣе фанатическіе и экзальтированные сжигаютъ себя. Секта самосожигателей — характерно русское явленіе. Крайняя форма раскола — безпоповство, отвергающее всякую іерархію, проникается апокалиптически - эсхатологическими настроеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ нигилизмомъ въ отношеніи къ внѣшней церкви, къ государству и культурѣ. Русскій нигилизмъ и русская апокалиптичность между собою связаны, и эта связь уже намѣчается въ крайнихъ формахъ раскола. Нигилистическія и апокалиптическія настроенія, жажда оголенія, отрицаніе путей исторіи и цѣнностей культуры, ожи-

даніе катастрофическаго конца — психологически коренятся въ расколѣ. Лѣвое, радикальное крыло раскола порождаетъ огромное количество разнообразныхъ сектъ. Монархизмъ старообрядчества оборачивается анархизмомъ. Психологія раскола, — разрывъ между церковнымъ народомъ и церковной властью, народомъ и культурнымъ слоемъ, все усиливается и обостряется. Реформа Петра Великаго очень усилила и обострила расколъ. Народное сознаніе, ощутившее реформу или вѣрнѣе революцію Петра, какъ насиліе надъ народной душой, отвѣтило на нее созданіемъ легенды о Петрѣ, какъ объ антихристѣ. Православное христіанское царство окончательно исчезаетъ изъ видимаго міра и подмѣняется царствомъ антихриста. Императорская Россія, проникнутая западнымъ просвѣщеніемъ, не есть уже православное царство въ строгомъ смыслѣ слова. Отношеніе къ власти дѣлается отчужденнымъ и подозрительнымъ. Русская религіозно-мессіанская идея остается, но она утверждается въ глубокомъ расколѣ съ окружающей дѣйствительностью. Въ православіи, связанномъ съ господствующей церковью, но сопротивляющемся вліяніямъ протестанскимъ или просвѣтительскимъ, остается много общихъ чертъ со старообрядчествомъ и расколомъ. Апокалиптическія настроенія, связанныя съ ожиданіемъ пришествія антихриста, очень глубоки въ народной средѣ, и они же обнаруживаются въ религіозныхъ теченіяхъ

верхняго культурнаго слоя, у русскихъ писателей и мыслителей. Эти настроенія психологически, въ секуляризованной формѣ, остаются и въ теченіяхъ, порвавшихъ съ христіанскимъ религіознымъ сознаниемъ. Раскольничья и эсхатологическая настроенность есть основной психологическій фактъ русскаго XIX вѣка, онъ будетъ имѣть свое религіозное и свое антирелигіозное или обратно религіозное выраженіе.

Русская интеллигенція XIX вѣка была интеллигенціей раскольничьей, она жила въ разрывѣ съ настоящимъ, съ императорской Россіей, она обращалась то къ идеальному прошлому, къ идеализированной допетровской Руси, то къ идеальному будущему, къ идеализированному Западу. Успѣхи русскаго государства не переживаются, какъ собственные успѣхи. Беспочвенность — характерная черта русской души XIX вѣка. И съ этой беспочвенностью связана большая свобода и дерзновеніе мысли. Всѣ отрицали настоящее, какъ не осуществлявшее призваніе русскаго народа, отрицали и славянофилы и западники. Но отрицаніе настоящаго есть революціонный аффектъ. Славянофилы были обращены къ допетровскому прошлому, западники къ Западу. Но и допетровская Русь и западная Европа были не реальностью, а мечтой. Когда западникъ Герценъ попалъ на Западъ, онъ испыталъ мучительное разочарованіе, увидѣвъ обыденность Запада. Онъ возсталъ про-

тивъ буржуазности Запада, которая всегда отталкивала русскихъ людей. Славянофилы были по убѣжденію монархистами, но они съ отвращеніемъ относились къ монархіи Николая I. Русская мысль XIX вѣка выросла на нѣмецкомъ романтизмѣ, усвоила себѣ его мотивы и самостоятельно ихъ переработала. Мысль была беспочвенной, національной именно въ своей беспочвенности и лишь мечтающей объ органическомъ типѣ культуры. Въ душевной структурѣ русскаго культурнаго, интеллигентнаго слоя XIX вѣка выработались типическія черты — беспочвенность и разрывъ съ настоящимъ, ощущение пропасти, отдѣляющей этотъ слой отъ народа и отъ власти, эсхатологизмъ, какъ душевное свойство, независимо отъ религіозной вѣры, эсхатологизмъ то религіозный, то соціальныи, ожиданіе катастрофы и конца, максимализмъ, слабое пониманіе іерархическихъ ступеней и исторической постепенности, склонность отрицать значеніе относительнаго и потому абсолютизировать относительное, склонность къ полярнымъ крайностямъ, своеобразный аскетизмъ, презрѣніе къ благамъ міра и буржуазнымъ добродѣтелямъ, требованіе осуществленія правды въ жизни, прежде всего въ жизни соціальной. Эти черты можно встрѣтить въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ. Русская душа XIX вѣка есть душа страдающая и въ этомъ доходящая до самоистязанія. Мотивъ состраданія къ горю человѣка и міра есть основной мо-

тивъ русской литературы XIX вѣка., Крѣпостное право съ его мучительными сторонами было питательной соціальной средой такого рода душевныхъ чертъ. Въ сущности это означало непринятіе страданія, отрицаніе смысла страданія, при готовности страдать. Русское страданіе и сострадательность имѣли два источника — у однихъ чувство вины, покаяніе, работу совѣсти, у другихъ чувство обиды, *ressentiment*, бунтъ угнетенныхъ. Основнымъ для нашей темы феноменомъ является перенесеніе религиозныхъ мотивовъ и религиозной психологіи во внѣрелигиозную и антирелигиозную сферу, въ сферу соціальную, такъ что душевная энергія направляется на соціальность, а соціальность пріобрѣтаетъ религиозный характеръ. На этой почвѣ развивается своеобразная соціальная идолатрія. Созидательная соціальная энергія не могла себя свободно реализовать въ условіяхъ русской дѣйствительности, она не направлялась на самое соціальное строительство, она вошла внутрь, переродила структуру души, вызвала страстную соціальную мечтательность и накопила въ подсознательномъ взрывчатый динамитъ. Глубже всѣхъ Достоевскій понялъ, что русскій социализмъ былъ религиознымъ вопросомъ, вопросомъ о Богѣ, о безсмертіи, о радикальномъ пере-

устройствѣ всей человѣческой жизни, а не политикой. Соціализмъ, взятый въ широкомъ смыслѣ, былъ господствующимъ религіознымъ вѣроисповѣданіемъ большей части русской интеллигенціи XIX вѣка, имъ опредѣлялись всѣ нравственныя оцѣнки. Русскій соціализмъ XIX вѣка былъ прежде всего сентиментальнымъ. Русскіе религіозно восприняли Сень-Симона, Прудона, Маркса. Также религіозно они восприняли матеріализмъ. Достоевскій раскрывалъ религіозную психологію и религіозную діалектику русскаго нигилизма и революціоннаго соціализма. Понять подпочву русскаго нигилизма, который долженъ быть признанъ оригинальнымъ порожденіемъ русскаго духа, значитъ понять истоки и подпочву воинствующаго атеизма русскаго коммунизма.

II

Въ своихъ истокахъ русскій нигилизмъ былъ движимъ религіозными мотивами, и за ними скрыта была извращенная религіозная психологія. Русскіе люди дѣлаются нигилистами изъ своеобразной любви къ правдѣ. Бѣлинскій въ послѣдній періодъ своей жизни пришелъ къ міросозерцанію, которое заложило основаніе русскаго нигилизма и нигилистическаго соціализма. Бѣлинскій типичный

интеллигентъ-раскольникъ, всю жизнь искавшій правды и ставшій нигилистомъ и атеистомъ во имя любви къ справедливости и къ благу народа и человѣчества. Въ Бѣлинскомъ произошелъ кризисъ идеализма 40 годовъ, было изжито русское шеллингянство и гегелианство, и сознание русской интеллигенціи было поставлено передъ соціальной дѣйствительностью. Во имя идеалистической жажды справедливости, изъ идеалистической ненависти къ лжи, Бѣлинскій хочетъ окунуться въ реальную соціальную дѣйствительность. Онъ началъ свою жизнь идеалистомъ и романтикомъ, любилъ «высокое и прекрасное», а кончилъ ее реалистомъ и атеистомъ. Кризисъ начался съ протеста Бѣлинскаго противъ абсолютнаго духа Гегеля, противъ всего общаго и универсальнаго, противъ всякой отвлеченной идеи во имя живой, конкретной человѣческой личности, страдающей и радующейся. И вотъ тутъ раскрывается очень интересный психологическій процессъ. Бѣлинскій страстно отвергаетъ отвлеченныя идеи идеализма, но лишь на краткій мигъ останавливается на живой, конкретной человѣческой личности для того, чтобы подчинить ее немедленно новымъ отвлеченнымъ идеямъ реализма, какъ ему казалось, — идеѣ соціальной справедливости и блага человѣчества. Со свойственной ему страстностью, онъ проникается любовью къ человѣчеству, которую самъ называетъ маратовской. Онъ признается, что готовъ отру-

бить головы значительной части человечества, чтобы осчастливить другую часть, и этим предвосхищает мораль большевизма. Будь я царемъ, восклицаетъ онъ, я бы сталъ тираномъ. Соціализмъ или смерть — его лозунгъ. Обязательное счастье для всѣхъ. Страданія не должно быть. Бѣлинскій дѣлается гражданиномъ вселенной. Имъ цѣликомъ овладѣваетъ идея атеистическаго соціализма. Бѣлинскій становится атеистомъ, вѣрующимъ, религиознымъ атеистомъ изъ любви къ правдѣ и къ человечеству. «Страшный я человекъ, говоритъ онъ, когда мнѣ въ голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость». Такимъ «страшнымъ человекомъ» является вообще русскій человекъ. Его атеистическая идея есть такая «мистическая нелѣпость». Но въ Бѣлинскомъ еще остается почитаніе Христа бѣдныхъ и падшихъ, проповѣдника религіи состраданія. Русскій атеизмъ «идеалистовъ земли», какъ ихъ иногда называютъ въ противоположность «идеалистамъ неба», вдохновлялся мотивомъ родственнымъ маркіонизму, онъ прежде всего порожденъ мученіемъ надъ проблемой зла, несправедливости и страданія. Гарнакъ отмѣчаетъ родственность русскихъ маркіоновскимъ мотивамъ. Маркіонъ отвергъ Бога — Творца міра, Бога Ветхаго Завѣта, какъ злого Деміурга, отвергъ потому, что сотворенный міръ полонъ зла и страданія. Но онъ признавалъ невѣдомаго, далекаго Бога, который и есть Отецъ Іисуса Христа, Спасителя и Иску-

пителя міра. Русскій атеизмъ отвергъ всякаго Бога, потому что принятіе Бога означаетъ оправданіе зла, несправедливости и страданій и примиреніе съ ними. Зло воспринимается прежде всего, какъ страданіе. Бѣлинскій уже остро поставилъ проблему «слезинки ребенка», какъ условія міротворенія, которую потомъ ставилъ Достоевскій устами Ивана Карамазова. Онъ не принимаетъ міра, созданіе котораго сопровождается страданіями человѣческой личности. Онъ хотѣлъ бы разрушить этотъ міръ и создать новый міръ, въ которомъ не будетъ страданій. Богъ создалъ несправедливый и полный страданій міръ. И потому по нравственнымъ мотивамъ нужно отвергнуть Бога. Русскій нигилистическій и атеистическій соціализмъ начинается съ состраданія и съ защиты страдающей личности противъ общества. Чисто русскій, такъ называемый народнический соціализмъ въ истокахъ своихъ индивидуалистиченъ. Это остается въ 70 годы у Н. Михайловскаго, который строитъ цѣлую теорію «борьбы за индивидуальность». Но кончаетъ русскій атеистическій соціализмъ отрицаніемъ личности, жестокимъ и беспощаднымъ отношеніемъ къ личности. Въ этомъ его роковая внутренняя діалектика. Она обнаруживается уже у Бѣлинскаго, который во имя уничтоженія страданій готовъ былъ причинить большое количество страданій, во имя личности готовъ былъ истреблять личности. Такова, вѣдь, всегда «маратовская любовь къ человѣче-

ству». Начинается всегда съ протеста противъ «общаго», давящаго и истязющаго личность, а кончается превознесеніемъ новаго «общаго», любви къ человѣчеству, къ идеѣ человѣчества, а не къ живой человѣческой личности, къ «дальнему», къ отвлеченной идеѣ справедливости и совершеннаго соціальнаго строя. И это новое «общее» превращаетъ живую человѣческую личность въ свое орудіе и средство, не признаетъ самоцѣнности личности и ея внутренней жизни. Состраданіе переходитъ въ жестокость, свобода — въ принужденіе и насиліе, защита личности отъ деспотизма общества въ крайній деспотизмъ общества. Таковъ рокъ атеизма, опредѣляющагося, казалось бы, высокими душевными мотивами. Это раскрывается въ русскомъ нигилизмѣ 60 годовъ, который есть парадоксъ, совмѣщающій въ себѣ борьбу за освобожденіе личности и крайнее угнетеніе личности соціальнымъ утилитаризмомъ, отрицаніе права личности на самобытную духовную жизнь и творчество. Нигилизмъ не понимаетъ тайны креста, смысла страданія, въ этомъ его религіозный провалъ.

Русскій нигилизмъ начала 60 годовъ созданъ въ значительной степени сыновьями священниковъ, въ дѣтствѣ вѣрующими, прошедшими школу православія. Таковы прежде всего Добролюбовъ и Чернышевскій, литературные критики, какъ и всѣ наши «просвѣтители». Опубликованный дневникъ Добролюбова рассказываетъ, въ какой душѣ

можетъ зародиться нигилизмъ и антирелигіозныя настроенія. Дѣтская и юношеская душа Добролюбова поражаетъ своей набожностью, силой вѣры, нравственной чистотой, серьезностью, сурово-аскетическимъ складомъ. И такой остается его душа до конца. Онъ умеръ очень юнымъ. Русскій нигилизмъ шестидесятыхъ годовъ есть вообще движеніе юности, возстаніе юныхъ душъ. Юношей умеръ и Писаревъ, самый боевой и блестящій изъ русскихъ нигилистовъ. Въ дѣтствѣ Добролюбовъ очень мучительно переживалъ грѣхъ, каялся въ грѣхахъ самыхъ ничтожныхъ, напр., если съѣдалъ много варенья или слишкомъ много спалъ, онъ стремился къ чистотѣ., У него была трогательная любовь къ родителямъ, особенно къ матери. Въ ранней юности его ранилъ упадочный, недостаточно духовный бытъ русскаго духовенства. Онъ былъ потрясенъ смертью родителей, особенно любимой матери, какъ проявленіемъ мірового зла. Добролюбовъ потерялъ вѣру, потому что не вынесъ соблазна и несправедливости міра, низости въ самой христіанской православной средѣ. Онъ хотѣлъ свѣта, и ему казалось, что онъ окруженъ темнымъ царствомъ. Свѣтъ долженъ внести самъ человѣкъ въ темный, несправедливый міръ. Добролюбовъ дѣлается просвѣтителемъ-нигилистомъ. Русское просвѣтительство обычно принимаетъ форму нигилизма. Въ этомъ сказывается русскій радикализмъ и максимализмъ. Жизнь До-

бродягова была короткой и безрадостной. Въ нигилизмѣ Добролюбова дѣйствуютъ исключительно высокіе и чистые душевные мотивы. Разлагающихъ результатовъ нигилизма онъ не могъ еще видѣть. Но и Добролюбовъ не понимаетъ смысла креста, онъ страдаетъ, но не несетъ креста.

Чернышевскій, главный теоретикъ русскаго нигилизма 60 годовъ и атеистическаго социализма, тоже вышелъ изъ духовной среды, былъ сынъ священника. И въ его душевной структурѣ былъ элементъ аскетическій, полученный отъ православія. Онъ человекъ честный и чистый, безкорыстный и способный къ жертвѣ. Онъ 19 лѣтъ провелъ на каторгѣ по незначительному политическому дѣлу и выдержалъ мужественно испытаніе. Его социально-утопическій и нигилистическій романъ «Что дѣлать», очень слабый въ художественномъ отношеніи, заключаетъ въ себѣ сильные аскетическіе и нравоучительные элементы. Герой романа Рахметовъ спитъ на гвоздяхъ, чтобы закалить свой характеръ. Первоначальному нигилизму свойственно было исканіе правды во что бы то ни стало, протестъ противъ всякой условной лжи и лицемерія. Нигилизмъ есть прежде всего оголеніе, сбрасываніе всѣхъ покрововъ и одеждъ, вѣра въ то, что послѣ этого обнаружится правда жизни. Навный матеріализмъ, который исповѣдывали русскіе нигилисты, какъ религіозную вѣру, определялся прежде всего нравственными мотивами, мож-

но даже сказать аскетическими мотивами. Всякая идеалистическая или спиритуалистическая метафизика признавалась недопустимой роскошью, умственнымъ развратомъ, забвеніемъ о страданіяхъ народа. Нужно жить въ бѣдности, довольствоваться минимумомъ. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и оригинальныхъ русскихъ богослововъ XIX вѣка Бухаревъ даетъ высокую нравственную оцѣнку «Что дѣлать?» Чернышевскаго, видитъ у него подлинныя христіанскіе элементы, хотя и не осознанные. Юноша Писаревъ совершаетъ настоящій погромъ эстетики и искусства, отрицаетъ Пушкина и въ погромѣ этомъ руководствуется мотивами аскетическими. Эстетика есть ненужная и недопустимая роскошь. Допустимо лишь то искусство, которое служитъ реальнымъ нуждамъ чело- вѣка. Писаревъ рекомендуетъ художникамъ писать популярныя статьи по естествознанію, вмѣсто романовъ. Мыслящій реалистъ, — такъ любитъ называть Писаревъ свой идеаль чело- вѣческой личности, долженъ быть обращенъ къ дѣйствительности неприкрашенной, онъ долженъ прежде всего освободиться отъ всякихъ иллюзій и самообмановъ, отъ всякой роскоши умственной или художественной. Тогда только онъ сможетъ улучшить дѣйствительность. Въ нигилизмѣ 60 годовъ даны уже были основные мотивы, которые движутъ больше- вицкой революціей и въ ней торжествуютъ, — вражда ко всякой религіи, мистикѣ и метафизикѣ,

къ чистому искусству, какъ отвлекающимъ энергію отъ созиданія лучшаго соціального строя, замѣна всякой абсолютной морали соціальнымъ утилитаризмомъ, исключительное господство естественныхъ наукъ и политической экономіи и подозрительное отношеніе къ наукамъ гуманитарнымъ, признаніе настоящими людьми лишь трудящихся, рабочихъ и крестьянъ, подавленіе внутренней жизни личности соціальностью, соціальной пользой, утопія совершеннаго соціалистическаго строя. Достиженіе совершенной жизни связывается не съ измѣненіемъ чловѣка, а съ измѣненіемъ общества. Совершенная жизнь понимается прежде всего, какъ освобожденіе отъ страданія, какъ наступленіе счастья.

III

Требованія русскаго нигилизма вошли въ коммунизмъ и имъ осуществляются. Тутъ мы прикасаемся къ духовнымъ истокамъ русскаго нигилизма и должны вскрыть его основное противорѣчіе. Къ нигилизму, какъ своеобразному явленію русскаго духа, какъ къ русской духовной болѣзни, могла прійти лишь душа выросшая на духовной почвѣ православія, но потерявшая вѣру. Какъ въ нашемъ народномъ расколѣ, такъ и въ нашемъ интеллигентскомъ нигилизмѣ чувствуется изъ религіознаго типа православія вытекающее аскетиче-

ское міроотрицаніе и культууроотрицаніе. Историческая постепенность чужда православному сознанию. Православіе есть наименѣе эволюціонная, наиболѣе эсхатологическая форма христіанства. Сомнѣніе же въ оправданности культуры есть традиціонный мотивъ русской религіозной и соціальной мысли. Не слишкомъ ли дорогой цѣной покупается культура, не чужда ли она народу, не подмѣняетъ ли она подлинную жизнь лживой, условной, искусственной, призрачной? Вопрошанія чисто русскія. Нигилизмъ въ своихъ истокахъ и въ своемъ чистомъ видѣ есть безблагодатный аскетизмъ, аскетизмъ не во имя Божье, а во имя грядущаго блага челоуѣчества, во имя совершеннаго общества. И этотъ безблагодатный, безбожный аскетизмъ побуждаетъ людей совершать подвиги, приносить жертвы, отдавать свою жизнь. Онъ не примиряется съ несправедливостью міра, со страданіями міра и хочетъ конца этого злого міра, гибели его и наступленія новаго міра. Онъ исключительно эсхатологиченъ. Нигилизмъ со своимъ безблагодатнымъ аскетизмомъ раздирается основнымъ противорѣчіемъ: онъ начинается съ того, что хочетъ эмансипировать личность, освободить ее отъ рабства соціальной среды, ея нормъ и законовъ, ея традицій и предразсудковъ, и онъ же окончательно порабощаетъ личность соціальной пользѣ, интере-

самъ общества, онъ же отрицаетъ право личности на духовную жизнь и творчество, отрицаетъ религію, философію, искусство, нравственность, какъ качественное содержаніе жизни личности, низвергаетъ всѣ цѣнности, которыя возвышаютъ личность. И онъ принужденъ это дѣлать, потому что признаетъ человѣческую личность лишь продуктомъ соціальной среды и отрицаетъ ея духовную природу. Мораль отрицаетъ онъ по моральнымъ мотивамъ. Нигилизмъ исповѣдуетъ самый грубый утилитаризмъ, но онъ моралистиченъ насквозь. Нигилизмъ оканчивается моралистическимъ соціальнымъ утилитаризмомъ. Соціальный же утилитаризмъ окончательно подчиняетъ личность обществу. Личная нравственная совѣсть отрицается и замѣняется нравственной совѣстью общества, группы, направленія, партіи. Это обнаруживается съ необычайной силой въ коммунизмѣ. Соціальныя мотивы въ коммунизмѣ оказались сильнѣе мотивовъ личной эмансипаціи, стремленія къ личному совершенствованію и правдѣ въ личной жизни, которыя сильны были въ нигилизмѣ Писарева. Нигилизмъ отвергъ всѣ духовныя цѣнности, всѣ цѣнности культуры, но одну цѣнность призналъ высшей, цѣнность соціальной правды, справедливости, блага народа, счастья трудящихся классовъ. Безнравственно думать о чемъ-либо, кромѣ этой верховной цѣнности, для нея должны быть принесены всѣ жертвы. Столкновеніе религіозной вѣры съ на-

учнымъ знаніемъ, которое такую большую роль играетъ въ возникновеніи невѣрія на Западѣ, въ Россіи играетъ совершенно второстепенную роль. Въ русскомъ невѣріи, въ русскомъ воинствующемъ атеизмѣ основными мотивами являются мотивы нравственные и соціальныя. Русскую душу беспокоитъ не столько противорѣчіе христіанства съ научнымъ знаніемъ, сколько противорѣчіе его съ соціальной правдой, поддержаніе христіанами соціальной неправды, ранитъ болѣе всего условная, лживая и лицемерная риторика христіанъ. Сама наука становится для русскаго нигилизма и атеизма предметомъ религіозной вѣры и идолослуженія, но это и показываетъ, что не въ самой объективной наукѣ тутъ дѣло. Вл. Соловьевъ такъ формулировалъ основной парадоксъ русскаго нигилизма: человекъ произошелъ отъ обезьяны, — слѣдовательно, мы должны любить другъ друга. Исповѣданіе теоріи происхожденія человека отъ обезьяны и при томъ въ огрубленной формѣ, дѣлается соціальнымъ долгомъ. Если же вы будете исповѣдывать истину о сотвореніи человека Богомъ по Его образу и подобію, то вы, навѣрное, будете сторонникомъ крѣпостного права и будете защищать соціальную несправедливость, будете оправдывать соціальное зло, будете врагомъ трудящагося народа. Дарвинизмъ, какъ и матеріализмъ, сталъ обязательной частью коммунистическаго катехизиса, хотя въ дѣйствительности дарвинизмъ нисколь-

ко не благопріятенъ коммунизму, и имъ скорѣе оправдывается капиталистическій строй*). Наука для русскихъ нигилистовъ и атеистовъ превратилась въ катехизисъ, излагающій обязательное вѣроученіе.

Въ 70 годы крайности и угловатости русскаго нигилизма смягчаются и въ немъ окончательно побѣждаютъ мотивы соціальныя. Это было время, когда интеллигенція шла къ простому трудовому народу, къ крестьянству, чтобы служить его благу и его освобожденію. Окончательно формируется русское народничество — вѣра въ то, что настоящая правда жизни въ трудовомъ народѣ, прежде всего въ крестьянствѣ. Но народническая интеллигенція была чужда народной вѣрѣ, т. е. православію, и заражала народъ атеизмомъ. Русская лѣвая интеллигенція, нигилистическая по своимъ религіознымъ и философскимъ взглядамъ, социалистическая и народолюбивая составлялась изъ выходцевъ изъ дворянскаго слоя съ одной стороны и изъ разночинцевъ, выходцевъ изъ разныхъ слоевъ, по преимуществу низшихъ слоевъ общества съ другой. Но психологія была различна у этихъ слоевъ, у однихъ преобладала работа совѣсти, покаяніе въ соціальныхъ грѣхахъ, у другихъ же работа чести, возмущеніе и возстаніе обиженныхъ. Михайловскій отказывается отъ борьбы за

*) Такъ и думалъ Н. Михайловскій.

свои права и восклицаетъ: мужика же сѣкутъ, пусть и меня сѣкутъ. Характерной чертой русскаго атеистическаго соціализма и народолюбія была необыкновенная жертвостоспособность его сторонниковъ. Эти люди, лучшіе изъ нихъ, отказывались отъ благъ личной жизни временной, съ легкостью шли въ тюрьмы, на каторгу и на казнь, и не имѣли утѣшенія жизни вѣчной, потусторонней. Это очень интересный психологическій феноменъ. Земное благо и счастье люди эти считали единственной цѣлью жизни и они готовы были во имя этой цѣли, недостижимой въ ихъ личной жизни, нести жертвы и терпѣть страданіе. Поэтому называли ихъ идеалистами земли. Получалось очень неблагопріятное сравненіе съ христіанами той эпохи. Въ преобладающей своей массѣ упадочные христіане XIX вѣка проявляли очень мало жертвенности, дорожили благами земной жизни и утѣшеніями жизни небесной. Это очень укрѣпляло антихристіанскую, антирелигіозную психологію. Религіозный и философскій спиритуализмъ и идеализмъ ассоціировались съ неправдой въ жизни земной, съ практическимъ матеріализмомъ. Правда, перенесенная на небо, казалась препятствіемъ для осуществленія правды на землѣ. О христіанскихъ мученикахъ, святыхъ и подвижникахъ забыли, они отодвинулись въ далекое прошлое. Въ настоящемъ же христіанствомъ слишкомъ пользовались для земныхъ благъ и интересовъ. Обличеніе неправды,

лжи, лицемѣрія такъ называемаго «христiанскаго» общества вдохновляло и питало антирелигiозную психологiю. Недостоинство и грѣховность христiанъ стали побѣднымъ аргументомъ противъ истины самого христiанства. Замѣчательно, что анархическое возстанiе противъ неправды современнаго мiра, именующаго себя христiанскимъ, исходило отъ представителей высшаго, аристократическаго слоя русскаго дворянства. Таковъ анархизмъ Бакунина, кн. Крапоткина и своеобразный религiозный анархизмъ гр. Л. Толстого. Бакунинъ соединяетъ анархизмъ съ воинствующимъ атеизмомъ, онъ возсталъ противъ — Творца мiра, какъ противъ сатаны, и видитъ въ немъ источникъ власти, т. е. величайшаго зла мiровой жизни. Анархизмъ Бакунина имѣетъ почти мистическую окраску и онъ есть своеобразный религiозный феноменъ. Старая русская мессiанская идея, имѣвшая чисто религiозную основу, по новому возрождается въ Бакунинѣ. Русско-славянскiй мiръ имѣетъ великую миссiю зажечь мiровой пожаръ, въ которомъ сгоритъ старый грѣховный мiръ. Страсть разрушенiя есть творческая страсть. На пепелищѣ, на развалинахъ стараго мiра возникнетъ новый, свободный и прекрасный мiръ. Эта революцiонная, мессiанская идея Бакунина перешла и къ русскому коммунизму, который вѣритъ, что отъ русскаго народа просiяетъ свѣтъ, просвѣщающiй буржуазную тьму Зап. Европы. Л. Толстой не

былъ атеистомъ, но онъ былъ своеобразнымъ русскимъ нигилистомъ на религіозной почвѣ. Явленіе Толстого возможно лишь на духовной почвѣ русскаго православія. Онъ тоже анархически и нигилистически разрываетъ съ міромъ лжи и неправды, возстаетъ противъ міровой исторіи и культуры, низвергаетъ всѣ цѣнности. Онъ страстно ищетъ правды жизни и во имя этой правды хочетъ оголенія, сбрасыванія всѣхъ покрововъ. Божественная правда обнаруживается лишь въ природѣ и въ природной жизни. Толстой проповѣдуетъ свое новое, истинное христіанство, психологически въ немъ еще сильны элементы православно-аскетическіе, но въ его страстной негодующей критикѣ историческаго христіанства и церкви съ ея догматами и таинствами часто встрѣчаются тѣ же мотивы, что и въ антирелигіозной пропагандѣ, и тѣ же аргументы. Толстой кается въ соціальномъ и культурномъ грѣхѣ и неправдѣ, на которыхъ зиждется міръ, называющій себя христіанскимъ. Сообразно русской психологіи, русская душа очень остро переживала кризисъ культуры и склонна была критиковать культуру. И потому она возстаетъ противъ религіи, противъ церкви, поскольку они превратились въ часть культуры и подчинились законамъ и нормамъ культуры*). Не только русскія ан-

*) Аналогичные мотивы есть въ современномъ бартианствѣ.

тирелигіозныя теченія XIX и XX вв., но и русскія релігіозныя теченія возставали противъ «историческаго христіанства», т. е. противъ христіанства, проявляющагося и дѣйствующаго въ исторіи и потому подчиняющагося неправдѣ, насилію, несправедливости, злу, царящимъ въ исторіи. Это очень характерное русское настроеніе, которое то принимало форму радикальнаго отрицанія христіанства и релігій, то форму стремленія къ какому-то чистому, не искаженному исторіей христіанству. Русская мысль была исторіософична, но относительность исторіи претила русскому максималистическому сознанію. Всякій градъ на землѣ плохъ, несправедливъ, относителенъ, подчиненъ князю міра сего. Христіане не имѣютъ своего пребывающаго града, они Града Грядущаго взыскуютъ. Взыскуютъ Града Грядущаго и тѣ русскія души, которыя отвергли Бога во имя Града Грядущаго, изъ протеста противъ того современнаго града, который полонъ зла и несправедливости. Русскіе атеисты ищутъ Царства Божьяго на землѣ, но безъ Бога и противъ Бога. Въ психологіи русскаго атеизма есть переживаніе старыхъ гностико-анархическихъ мотивовъ: Творецъ міра есть злой Богъ, онъ сотворилъ злой міръ, несправедливый, полный страданій міръ, поэтому всякая власть въ мірѣ есть злая, сатаническая власть, она принадлежитъ князю міра сего, и борьба противъ неправды есть борьба противъ злого Бога, сотворив-

шаго міръ. Эти мотивы уже появились въ радикальныхъ теченіяхъ русскаго раскола и сектанства. Они дѣйствуютъ въ русской революціонной интеллигенціи, но въ сознаніи соединяются съ самыми поверхностными западными матеріалистическими ученіями. Русскій атеизмъ въ наиболѣе глубокихъ своихъ формахъ можетъ быть выраженъ въ парадоксѣ: нужно отрицать Бога, чтобы Царство Божіе осуществилось на землѣ. Въ русской религіозной психологіи былъ всегда силенъ профетическій элементъ. Оторванной отъ своихъ религіозныхъ корней и извращенной, она остается и въ русскомъ соціально обоснованномъ атеизмѣ. Атеизмъ есть прежде всего забвеніе Христа, Бога страдающаго и жертвеннаго.

IV

Но наиболѣе интересный для нашей темы фактъ есть переходъ русскаго нигилизма и атеизма въ коммунизмъ. Въ новомъ психологическомъ феноменѣ воинствующаго атеизма коммунистовъ мы можемъ наблюдать роковую діалектику русскаго нигилизма и атеизма, связанныхъ съ русскимъ исканіемъ внѣшней соціальной правды. Атеизмъ русскихъ коммунистовъ есть уже совсѣмъ другое психологическое явленіе, и онъ связанъ съ совсѣмъ другой душевной структурой. Почему русская ду-

ша, сострадательная, человеколюбивая и ищущая правды, усвоила себѣ ученіе Маркса, столь ей, казалось бы, чуждое? Достоевскій многое предвидѣлъ, но марксизмъ былъ еще внѣ его кругозора. Самъ онъ зналъ лишь французскій социализмъ. Съ побѣдой русской революціи, русскій атеизмъ, русская антирелигіозная настроенность вступаютъ въ совершенно новый фазисъ. К. Марксъ, который въ своихъ взглядахъ на религію изначально слѣдовалъ за Фейербахомъ, призналъ религію опиумомъ для народа (это выраженіе онъ употребляетъ въ своей статьѣ о философіи права Гегеля) и видитъ въ религіозной вѣрѣ величайшее препятствіе для эмансипаціи пролетаріата, а тѣмъ самымъ и всего человечества. Бѣдный и слабый человекъ имѣетъ сильнаго и богатаго Бога, онъ ему отдаетъ свое богатство и силы. Когда онъ станетъ богатымъ и сильнымъ, тогда ему не нужно будетъ Бога. Религія переноситъ осуществленіе человѣческаго блага въ иллюзорный, призрачный, нереальный міръ и потому мѣшаетъ реальному осуществленію, ослабляетъ активность человека, парализуетъ его волю къ организаціи соціальной жизни. Религія даетъ призрачныя утѣшенія и потому санкціонируетъ несправедливость, бѣдность, слабость въ земной жизни. Небо есть величайшій врагъ устроенія земли. Мотивъ атеизма Маркса совсѣмъ иной, чѣмъ мотивъ традиціоннаго русскаго атеизма. Въ русскомъ атеизмѣ были сильны мотивы состраданія, жалости

и своеобразнаго аскетизма. Въ атеизмѣ Маркса преобладаетъ мотивъ силы, мощи организованнаго общества. Нужно вырвать изъ сердца человѣчества религіозную вѣру, уничтожить идею Бога, чтобы человѣческое общество стало сильнымъ, чтобы окончательно организовалась и рационализировалась человѣческая жизнь, чтобы возможна была окончательная побѣда надъ стихійными силами природы и стихійными ирраціональными силами въ самомъ человѣческомъ обществѣ. Атеизмъ марксовскаго типа совсѣмъ не движется жалостью, — наоборотъ, онъ безжалостенъ. Для достиженія мощи и богатства соціальнаго коллектива отношеніе къ людямъ должно быть беспощаднымъ и жестокимъ. Въ атеизмѣ Маркса нѣтъ уже никакихъ гуманистическихъ элементовъ. Онъ исходитъ изъ Фейербаха, но идетъ дальше Фейербаха и отвергаетъ фейербаховскую религію человѣчества. Не во имя человѣка поднимаетъ Марксъ знамя возстанія, а во имя могущества соціальнаго коллектива, новаго божества. Атеизмъ Маркса, побѣдный, торжествующій атеизмъ, какъ и социализмъ Маркса. Онъ движется не столько жалостью къ страдающему, униженному пролетаріату, и жаждой облегчить эти страданія, избавить отъ этихъ униженій, сколько идеей грядущей мощи, силы пролетаріата, этого будущаго мессіи, призваннаго организовать міровое царство. Паѳосъ Маркса есть прежде всего паѳосъ силы, онъ поклоняется силѣ, онъ хочетъ

побѣды. Психологія марксизма есть побѣдная психологія. Онъ хочетъ, чтобы человекъ, какъ существо социальное и социализированное, сталъ могущественнымъ организаторомъ, конструктивистомъ. Въ концѣ XIX вѣка въ Россіи возникло сильное марксистское движеніе, которое вступило въ борьбу со старымъ народническимъ социализмомъ и существенно измѣнило міросозерцаніе и настроеніе русской радикальной интеллигенціи. Въ немъ элементы интеллектуальные были сильнѣе элементовъ сентиментальныхъ. Въ началѣ XX вѣка русскій марксизмъ разслоился, наиболѣе культурные русскіе марксисты пережили духовный кризисъ и стали основоположниками идеалистическаго и религіознаго движенія, большая же часть марксистовъ начала готовить дѣло коммунизма. Мы стоимъ передъ основной психологической загадкой: почему въ Россіи побѣдилъ типъ, казалось бы, чуждаго марксовскаго атеизма, почему русская революція усвоила себѣ символику марксизма, который сталъ обязательнымъ катехизисомъ коммунистической партіи?

Атеизмъ марксовскаго типа, одержимый волей къ господству и проникнутый паѳосомъ силы, побѣдилъ въ Россіи, когда побѣдила революція, и сострадательные, стремящіеся къ правдѣ, угнетенные, гонимые стали господами положенія и сами превратились въ угнетателей и гонителей. Атеизмъ сострадательный, атеизмъ слабости перешель въ

атеизмъ господствующій, атеизмъ силы, Страданіе, отвергающее смыслъ страданія, хочетъ перейти въ счастье. Произошла психологическая метаморфоза. Выраженіе русскихъ лицъ измѣнилось. Появился какъ бы новый антропологическій типъ, выросшій и оформившійся на войнѣ и торжествующій въ революціи. Явился атеистъ побѣдитель и организаторъ. Страдающая душевная структура старыхъ русскихъ революціонеровъ оказалась совершенно негодной и неприспособленной для новыхъ условій, для новой эпохи. И у старыхъ коммунистовъ, сформировавшихся въ эпоху угнетеній и преслѣдованій, произошло перерожденіе духовной структуры. Въ коммунизмѣ произошелъ подборъ людей особой душевной структуры. Молодые сразу вошли въ жизнь съ новымъ душевнымъ укладомъ. У нихъ образовалась психологія завоевателей. Психологія побѣдителей однихъ классовъ надъ другими классами напоминаетъ психологію побѣдителей одной расы и національности надъ другими расами и національностями. Побѣдитель торжествующій, ощутившій силу, имѣетъ иную психологію, чѣмъ угнетенный, поработенный, слабый или сострадательный къ слабому и угнетенному, душевная установка ищущихъ правды, возставшихъ противъ торжествующей неправды, иная чѣмъ душевная установка мнящихъ себя носителями правды побѣдившей и господствующей. Старый русскій нигилизмъ и атеизмъ былъ порожд-

день покаяніемъ и состраданіемъ привилегированныхъ классовъ или обидой, *ressentiment* классовъ угнетенныхъ. Ни тѣ, ни другіе не чувствовали себя побѣдителями. Кающіеся и взбунтовавшіеся дворяне вышли изъ класса господствующаго, но они ушли отъ господства и потеряли власть въ жизни. Не они получили господство въ революціи торжествующей. Въ торжествующей революціи господствующую роль играютъ тѣ, которые были обиженными и угнетенными и собственное имъ *ressentiment* пріобрѣтаетъ новыя формы. Появляется образъ мстителя. Атеизмъ дѣлается атеизмомъ мести, онъ гонитъ религію, закрываетъ храмы, преслѣдуетъ духовенство. Мстителю кажется, что онъ былъ обиженнымъ и угнетеннымъ вслѣдствіе господства религіозныхъ вѣрованій, поддерживавшихъ обиду и угнетеніе. Когда обиженный и угнетенный, чья душевная установка опредѣляется *ressentiment*, получаетъ господство и власть, ему трудно вести себя благородно и великодушно. Благородство и великодушіе — аристократическія добродѣтели, добродѣтели душъ свободныхъ отъ *ressentiment*. Въ старой Россіи народъ, особенно крестьянство и мѣщанство, былъ болѣе вѣрующимъ, болѣе вѣрнымъ православію, чѣмъ высшіе классы, чѣмъ дворянство, которое въ XVIII вѣкѣ подверглось вліянію свободомыслящей философіи просвѣщенія, вольтеріанства, и чѣмъ интеллигенція. Въ революціи идеи просвѣтительной

философіи, которая всегда имѣетъ въ Россіи уклонъ къ нигилизму, спускаются въ народный слой, въ формѣ очень вульгаризированной и захватываютъ рабочую молодежь. Это въ народной средѣ процессъ аналогичный тому, который въ 60 годахъ происходилъ въ интеллигенціи. Но психологическая разница огромна. Въ народныхъ массахъ атеизмъ и нигилизмъ означаетъ протестъ противъ тѣхъ вѣрованій, которыя, по сознанію ихъ, подвергающемуся воздѣйствію антирелигіозной пропаганды, держали ихъ въ рабствѣ. Въ коммунизмѣ мы встрѣчаемся уже съ иной антирелигіозной психологіей, чѣмъ та, которая была въ старомъ нигилизмѣ. Между Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и пр. и Ленинымъ, Сталинымъ и особенно тѣми душами, которыми они владѣютъ, лежитъ пропасть, это совершенно разныя душевныя формации. Антирелигіозная психологія коммунистовъ есть психологія побѣдителей и восторжествовавшей обиды и мести, которыя берутъ реваншъ и получаютъ компенсацію. Психологія побѣдившаго, восторжествовавшаго «пролетаріата» есть психологія компенсаціи за прежнее униженіе. Такъ и строитъ Марксъ свое ученіе о мессіанскомъ призваніи пролетаріата. Пролетаріатъ есть классъ наиболѣе угнетенный въ капиталистическомъ обществѣ, и онъ компенсируется сознаніемъ своего мессіанскаго освободительнаго призванія, своей великой мощи въ грядущемъ. Самый замѣчатель-

ный изъ современныхъ теоретиковъ соціализма де Манъ совершенно вѣрно истолковываетъ марксистское ученіе о великой мисси пролетаріата въ духѣ психологіи Адлера — переживаніе униженія, низшаго соціальнаго состоянія рабочаго класса и компенсація, удовлетвореніе его воли къ преобладанію идеей высшаго его призванія.

Старая антирелигіозная психологія русскаго нигилизма имѣла еще религіозные и даже православные корни въ переживаніи грѣховности и вины, хотя и въ извращенной формѣ. Новая антирелигіозная психологія уже совершенно оторвана отъ этихъ корней, ея душевныя пружины иные. Воинствующій атеизмъ, антирелигіозная психологія опредѣляются волей къ господству и власти. Есть одна безспорная психологическая истина: человѣку легче выдержать испытаніе гоненіемъ, чѣмъ испытаніе торжествомъ. Это обнаруживается въ исторіи христіанства. Христіане отлично выдерживали испытанія гоненіемъ и становились мучениками. Это и сейчасъ мы видимъ въ Россіи — православная церковь прославляется мучениками. Но христіане плохо выдерживали испытаніе торжествомъ и легко превращались въ гонителей. И то, что христіане становились гонителями, когда они господствовали, было соблазномъ, который вель къ отпадению отъ вѣры и къ атеизму. Было время, когда люди терпѣли гоненіе за атеизмъ, за право на невѣріе, ихъ сажали въ тюрьмы и сжигали на ко-

страхъ. Но въ часъ своего торжества атеизмъ и невѣріе превращается въ гонителя, сажаетъ въ тюрьмы и разстрѣливаетъ вѣрующихъ христіанъ. Русскій атеизмъ зародился, какъ гонимый и возставшій противъ неправды и зла міра, онъ отвергъ Бога, потому что міръ злой, несправедливый и полный страданіями невинныхъ людей. Когда онъ восторжествовалъ, онъ превратился въ гонителя, онъ создаетъ новую неправду, творитъ зло и причиняетъ неисчислимое количество страданій. Нигилизмъ зародился въ душахъ чистыхъ, аскетическихъ и искавшихъ правду. Но онъ перерождается, дѣлается аморальнымъ не въ теоріи уже, а въ жизни, порождаетъ распущенность дурныхъ инстинктовъ, отрицаетъ справедливость, во имя которой отвергъ Бога. Это — роковой психологическій процессъ. Въ русскомъ коммунизмѣ, согласно русскому душевному типу, побѣдили не столько научные элементы марксизма, сколько мессіанскіе его элементы — идея пролетаріата, какъ освободителя и организатора человечества, какъ носителя высшей истины и высшей справедливости. Но эта мессіанская идея — воинственная, агрессивно-наступательная и побѣдная, идея поднимающейся силы. Страдательные, пассивно претерпѣвающіе элементы стараго русскаго мессіанскаго сознанія тутъ совершенно вытѣсняются. Мессія-пролетаріатъ совсѣмъ не страдалецъ, не жертва, а побѣдившій міровой организаторъ, конденсаторъ силы. Это, конечно, есть преж-

де всего идея, а не эмпирической фактъ. Россія — страна крестьянская, и фабричный пролетаріатъ есть незначительная часть русскаго народа. И революція нисколько не увеличила этого мессіанскаго класса. Но идея-миѡ формируетъ души, опредѣляетъ психическую структуру. И она опредѣляетъ совершенно новую душевную формацію, въ которой страданіе и состраданіе, жертва и аскеза вытѣсняются властью и господствомъ, силой и организаціей. И вотъ что выясняется. Вытѣсненіе изъ сознанія идеи Бога ведетъ совсѣмъ не къ тому, что человѣкъ и человѣческое окончательно освобождается и себя выражаетъ, а къ тому, что въ сознаніи появляются и начинаютъ его подавлять какія-то нечеловѣческія или сверхчеловѣческія начала. Это есть чрезвычайно интересный и важный для нашей темы психологическій процессъ.

V

Образованіе въ человѣческой душѣ идоловъ и идолослуженія есть основной фактъ антирелигіозной психологіи. Человѣкъ по природѣ своей есть существо религіозное и душа человѣческая не выноситъ пустоты въ религіозномъ отношеніи. Благоговѣніе и поклоненіе высшему неистребимо въ человѣческой душѣ, человѣкъ не можетъ жить безъ отношенія къ сверхчеловѣческому. Лишь

сверхчеловѣческой принципъ конструируетъ самую идею человѣка. Это есть основная истина антропологии, которая должна быть признана независимо отъ тѣхъ или иныхъ религіозныхъ вѣрованій. И вотъ, когда угасаетъ вѣра въ живого и истиннаго Бога и вытѣсняется изъ сознанія самая идея Бога, то въ душѣ возникаютъ образы ложныхъ боговъ и имъ воздается религіозное поклоненіе. Человѣкъ имѣетъ неистребимую склонность къ идолатріи, онъ обладаетъ способностью рѣшительно все превращать въ идоловъ, всѣ цѣнности. Въ идоловъ человѣкъ превращаетъ и науку (сціентизмъ), и искусство (эстетизмъ), и національность (націонализмъ), и мораль (морализмъ), и социальную справедливость и организованность (коммунизмъ). И всѣмъ этимъ идоламъ, за которыми скрыты подлинныя цѣнности, человѣкъ воздаетъ божескія почести. Идолатрія всегда используетъ для себя несомнѣнныя цѣнности и блага, но эти цѣнности и блага оказываются искаженными и извращенными вслѣдствіе нарушенія душевной гармоніи идолослуженіемъ. Идолатрія всегда пользуется старой религіозной психологіей человѣка, она обращаетъ на служеніе идоламъ весь запасъ религіозной энергии, накопленной въ человѣческихъ душахъ положительнымъ религіознымъ процессомъ. Безъ религіозной формации души невозможна была бы преданность никакой идеѣ, невозможно было бы жертвенное отданіе своихъ силъ служенію идеѣ хотя

бы атеистической. Абсолютный эгоизмъ никогда человѣку не удастся и менѣе всего онъ удастся русскимъ нигилистамъ, не удастся онъ и коммунистамъ. Идеинный атеизмъ всегда въ сущности означаетъ переходъ къ какой-либо формѣ идолатріи и идолослуженія. Полное опустошеніе души можетъ вести лишь къ самоубійству. Если бы коммунистамъ удалось уничтожить въ человѣческой душѣ всякую вѣру, то уничтожилась бы и вѣра въ коммунизмъ, способность приносить жертвы во имя коммунистической идеи и отдавать ей всю свою энергію. Коммунизмъ выступаетъ съ притязаніями новой религіи и онъ требуетъ для своего осуществленія большихъ запасовъ религіозной энергіи и большой силы религіозной вѣры. И именно потому, что коммунизмъ самъ есть религія, онъ гонитъ всѣ религіи и не знаетъ религіозной терпимости. Коммунистическій атеизмъ есть менѣе всего лаицизмъ и свободомысліе. Коммунизмъ почитаетъ себя единственной истинной религіей и не терпитъ рядомъ съ собой никакой другой. Онъ требуетъ религіознаго поклоненія пролетаріату, какъ избранному народу Божьему, обоготворяетъ соціальный коллективъ, призванный замѣнить и Бога и человѣка, соціальный коллективъ оказывается единственнымъ субъектомъ нравственныхъ оцѣнокъ и актовъ, носителемъ и выразителемъ всякой правды и истины. Коммунизмъ создаетъ новую мораль, не христіанскую и не гуманистическую. Онъ имѣетъ

свою ортодоксальную теологию и создает свой культ, напр. культ Ленина, свою символику, свои празднества, красныя крестины и красныя похороны. Коммунизм имѣетъ свою обязательную для всѣхъ догматику, свой катехизисъ, онъ обличаетъ ереси и отлучаетъ еретиковъ. Этотъ религіозный характеръ коммунизма находитъ себѣ благопріятную почву въ религіозной психологіи русскаго народа и въ его религіозномъ типѣ. Русскій народъ переходитъ отъ одного средневѣковья къ другому средневѣковью, переживъ ренессансный періодъ лишь въ очень немногочисленныхъ верхнихъ слояхъ. Русскій человѣкъ совсѣмъ не склоненъ переходить отъ христіанской вѣры къ просвѣтительному раціонализму и скептицизму, онъ болѣе склоненъ переходить къ новой вѣрѣ и къ идолопоклонству. Идеиные русскіе коммунисты, а ими только и держится совѣтскій строй, такіе же вѣрующіе люди по душевному своему складу, какъ и старыя русскіе нигилисты, хотя ихъ вѣра связана уже съ другими эмоціями и аффектами. Коммунисты совсѣмъ не скептики, и потому ихъ такъ трудно понять скептическимъ людямъ Запада. Настоящій фанатизмъ есть всегда порожденіе идолопоклонства. Фанатизмъ христіанскій тоже былъ результатомъ идолопоклонства внутри христіанства, идолопоклонническаго извращенія вѣры. И коммунизмъ фанатиченъ, поскольку онъ есть идолопоклонство, поскольку онъ превращаетъ относитель-

ныя соціальныя цѣнности въ абсолютныя. Идолопоклонство всегда превращаетъ относительное въ абсолютное.

Нигилизмъ, съ одной стороны, есть опустошеніе, превращеніе всего въ ничто, всѣ относительныя цѣнности и блага культуры отрицаются и истребляются. Но съ другой стороны, въ немъ всегда происходитъ абсолютизація какой-нибудь относительной цѣнности и блага, въ немъ что-то обоготворяется, божескія почести воздаются какому-нибудь предмету недостойному и совсѣмъ не обладающему божественными атрибутами. Безъ этого невозможенъ былъ бы паѳосъ нигилизма и жертвенность его вѣрующихъ адептовъ. Въ русскій нигилизмъ и атеизмъ внесены были черты религіознаго максимализма, свойственнаго русскому религіозному типу. Русская душа, утратившая христіанскую вѣру, стремилась къ спасенію, спасенію народа, челоуѣчества, міра ѳтъ зла и страданія. Русскій революціонеръ XIX вѣка не вѣрилъ въ Спасителя, но самъ себя считалъ спасителемъ, жертвой и этимъ опредѣлялся паѳосъ его мученичества. Въ этомъ чувствовалось извращеніе христіанской психологіи. Жертву и мученичество русскій революціонеръ принималъ, но не принималъ и не понималъ тайну креста. Исканіе спасенія, понятаго то религіозно, то соціально, такъ характерно для русской души, что она постоянно сомнѣвается въ своемъ правѣ на культурное творчество. Это было

пережито Гоголемъ, Толстымъ съ особенной остротой. Старая русская мессіанская идея продолжаетъ жить въ глубокихъ духовныхъ пластахъ русскаго народа. Но въ сознаніи мѣняется «во имя», мѣняется символика. Возникающая изъ коллективнаго безсознательнаго народной жизни мессіанская идея получаетъ иное наименованіе. Въмѣсто Третьяго Рима инока Филовѣя создается Третій Интернаціональ Ленина и этотъ Третій Интернаціональ, облеченный въ марксистскую одежду, въ марксистскую символику, надѣляется свойствами русской мессіанской идеи, въ него вкладывается призваніе русскаго народа. Интернаціональное такъ переплетается съ національно-русскимъ, что трудно ихъ различить. Интернаціонализмъ оказывается національнымъ русскимъ призваніемъ и пріобрѣтаетъ окраску русской идеи. Психологическія пружины дѣйствуютъ тѣ же. Марксистскій коммунизмъ стремится къ полной раціонализациі жизни, но онъ самъ подчиняется вліянію національной русской стихіи, коллективнаго безсознательнаго. Антирелигіозная пропаганда принимаетъ совсѣмъ не раціональныя формы, въ нее вкладывается жаръ идолопоклонническаго фанатизма. Quasi-научная аргументація въ пользу невѣрія, почерпнутая изъ популярныхъ брошюръ, пріобрѣтаетъ характеръ новой фанатической вѣры. Уже въ русскомъ нигилизмѣ наука никогда не была спокойнымъ и объективнымъ изслѣдованіемъ, наука превращалась въ идо-

ла и дѣлалась предметомъ религіозной вѣры. Тоже самое вы мидимъ въ русскомъ коммунизмѣ. Научныя теоріи, иногда самыя сомнительныя, пріобрѣтають характеръ символовъ въ борьбѣ. Самый марксизмъ, который коммунистическая масса очень плохо знаетъ, есть религіозная символика, знамя борющейся арміи, а не научная теорія. Такой же характеръ носить дарвинизмъ, механическое пониманіе жизни и пр. Если вы дарвинистъ, то вы за рабочій классъ и принадлежите къ избраннымъ. Если вы ламаркистъ, то вы за эксплуататоровъ, за буржуазію, васъ посадятъ въ тюрьму, и вы погибли. Если вы механистъ, то вы принадлежите къ избранному народу, къ спасеннымъ, если же вы виталистъ, то вы отлучаетесь, и васъ ждетъ гибель. Къ успѣхамъ современной физики русскіе коммунисты относятся подозрительно и враждебно, видятъ въ великихъ физическихъ открытіяхъ нашей эпохи буржуазную реакцію, неблагопріятную для матеріализма. Эйнштейна и Планка объявляютъ представителями буржуазной науки и даже поповства. Ясно, что къ объективной наукѣ все это не имѣетъ никакого отношенія. Марксизмъ совсѣмъ другое значить у русскихъ коммунистовъ, чѣмъ у нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Такъ назыв. русскіе «меньшевики» соціалъ-демократы, тоже марксисты, и даже болѣе послѣдовательныя, но ихъ марксизмъ не спасаетъ, онъ не имѣетъ характера религіозной символики, онъ не способенъ породить

вывернутой на изнанку теократіи. Психологически интересно, что вѣра коммунистовъ, направленная на поклоненіе грядущему соціальному коллективу, питается не столько положительными, сколько отрицательными чувствами. Коммунизмъ не можетъ существовать, не можетъ быть патетическимъ и напряженнымъ безъ врага, къ которому испытывается ненависть и злоба. Это очень походитъ на психологическое переживаніе дуалистическаго, манихейскаго религіознаго типа. Избранники мессіанской, коммунистической вѣры неспособны переживать грѣха и покаянія, зло цѣликомъ отнесено къ злему богу, который именуется то міровой буржуазіей, то міровымъ имперіализмомъ, то міровой контръ-революціей и т. п. Міръ всегда раздѣленъ на двѣ части, на два лагеря, въ одномъ только свѣтъ, въ другомъ только тьма. Идолопоклонство способствуетъ такого рода дуализму. Я сейчасъ оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, что коммунизмомъ поставлена большая тема о соціальномъ переустройствѣ человѣческаго общества, о преодолѣніи противорѣчій, несправедливости и зла капиталистическаго общества XIX и XX вв., это сейчасъ не моя тема, меня интересуетъ не соціальный, а психологическій вопросъ. И вотъ антирелигіозная психологія коммунизма представляется вывернутой на изнанку религіозной психологіей.

Несмотря на огромныя психологическія измѣненія, которыя произвела въ русской душѣ рево-

люція, основной психологическій укладъ остается тѣмъ же. Этотъ укладъ былъ выработанъ православіемъ и онъ сохраняется и тогда, когда православная вѣра исчезла и съ ней ведется борьбы. Аскетическое отрицаніе исторіи и культуры принимаетъ форму нигилистическаго отрицанія историческаго преемства и нигилистическаго погрома культурныхъ цѣнностей. Эсхатологизмъ и сверхмірность принимаютъ форму исключительной обращенности къ страшному суду соціальной революціи и къ Граду Грядущему, къ совершенному коммунистическому обществу. Религіозный абсолютизмъ и максимализмъ принимаетъ форму отрицанія значенія относительнаго, отрицанія ступенности и постепенности историческаго труда. Эти психологическія черты, представляющія собой извращеніе православно-аскетическаго ученія о жизни, мы видимъ уже у русскихъ нигилистовъ, у Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева, у анархиста Бакунина и по другому, подъ знакомъ религіознымъ, у Толстого. Эти черты въ совершенно новой соціальной атмосферѣ переходятъ и къ идейнымъ коммунистамъ, къ фанатикамъ коммунизма, а не дѣльцамъ его. На служеніе идоламъ идетъ та же душевная энергія, которая шла на служеніе Богу. Мѣняется сознаніе, безсознательная же основа остается какъ-будто бы той-же. Но огромная разница между служеніемъ Богу и служеніемъ идолу въ томъ, что служащій Богу имѣетъ

благодатное духовное питаніе, служащій же идолу его не имѣетъ. Идолъ духовно не питаетъ и не посылаетъ благодати, онъ созданъ извращеннымъ направлениемъ душевной энергіи и въ служеніи ему душа остается замкнутой въ себѣ, эгоцентричной, она не выходитъ къ сверхчеловѣческимъ реальностямъ. Это есть фатальная сторона служенія ложнымъ богамъ. Религіозная психологія остается, но нѣтъ религіозной онтологіи. Но антирелигіозная психологія въ русскомъ народѣ нерѣдко носитъ слѣды сохранившейся религіозной вѣры. Тотъ русскій мужикъ, который по разсказу Достоевскаго разстрѣливаетъ причастіе, относится все-таки къ причастію, какъ къ святынѣ. Кощунство всегда предполагаетъ какую-то вѣру въ святыню, безъ которой оно теряетъ всякій смыслъ. Нельзя кощунствовать надъ обыкновеннымъ кускомъ матеріи. Между тѣмъ какъ элементъ кощунства играетъ немалую роль въ коммунистической антирелигіозной пропагандѣ. Кощунствующій совершаетъ надругательство не только надъ чужой святыней, онъ самъ вступаетъ въ особыя отношенія съ священными предметами, надъ которыми кощунствуетъ. Наряду съ антирелигіозной пропагандой въ совѣтской Россіи есть также религіозное возрожденіе, возрожденіе церкви гонимой и страждущей.

Въ заключеніе хотѣлось бы формулировать, въ чемъ основные движущіе мотивы антирелигіозной психологіи, въ чемъ паѳосъ атеизма. Именно

въ психологiи русской можно изучать этотъ феноменъ. Антирелигiозная психологiя образуется прежде всего вслѣдствiе того, что душа не можетъ вынести опыта зла и страданiя, личнаго и социальнаго, она не выдерживаетъ соблазна и испытанiя, связаннаго съ проблемой теодицеи, оправданiя Бога. Столкновенiе религiозной вѣры съ разумомъ и наукой есть вторичный и второстепенный моментъ, часто лишь предлогъ къ невѣрiю, которымъ душа пользуется для убѣжденiя себя въ правотѣ и чистотѣ своего невѣрiя. Когда человекъ говоритъ себѣ и другимъ, что онъ хотѣлъ бы вѣрить, но научная честность и добросовѣстность не позволяетъ ему вѣрить, онъ хитритъ съ собой. Въ дѣйствительности это значитъ, что вѣра его не выдержала испытанiй жизни, которыя пережиты человекомъ внѣ области познанiя. Но вѣра никогда не исчезаетъ окончательно, она трансформируется, продолжаетъ существовать въ новыхъ формахъ, она можетъ направляться на разумъ, на науку, которыми пользуются для отрицанiя вѣры. Величайшiй русскiй генiй Достоевскiй отлично понималъ психологiю и дiалектику атеизма, особенно русскаго и болѣе всего сдѣлалъ для ихъ раскрытiя. Первоисточникъ невѣрiя нужно искать въ переживанiи феномена страданiя, непринятiи смысла страданiя, т. е. креста. Основной христiанскiй отвѣтъ на атеистическiй бунтъ противъ страданiя тотъ, что страдалъ самъ Богъ, Сынъ Божiй и что послѣ этого страданiе есть несенiе креста.

Журналъ „ПУТЬ“

Органъ русской религ. мысли
Подъ редакціей Н. А. БЕРДЯЕВА.

6 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ

Подписная цѣна? Долл. 2.25
Изъ печати вышелъ № 29-й.

Отдѣльные книги журнала «Путь» продаются и
подписка принимается во всѣхъ русскихъ книж-
ныхъ фирмахъ и въ издательствахъ

Y M C A - P R E S S

10, Boulevard Montparnasse - PARIS (XVe)